

И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их.

Библия, Бытие, гл. 3, ст. 21.

И похоронил Адам Еву...
Была зима, конец января; день за днем старик долбил могилу в окостеневшей, мертвой земле, как терзал ее и себя.

Адам похоронил Еву рядом с Авелем и Каином. Он все сделал один. Никто не пришел помочь ему, никто не пришел проститься с Евой.

Прежде чем расстаться с женой навсегда, Адам бережно сдул с ее лица снежинки. Правда, они тотчас снова налетели. И снова он сдул их, дохнув бессильным теплом в тысячелетнее лицо Евы. Оно было напухшее от морщин, словно под кожей у нее проросли корни той долгой, тяжелой жизни, которую им завещал Бог. Только Адам и через этот ветхий лик всегда видел юную, райскую Еву...

Он всхлипнул, как закашлялся.

Любил ли он Еву, как теперь люди, молодые и старые, любят друг друга, Адам не знал. Он не выбирал ее. Она была плоть от плоти его, и сейчас он как бы хоронил самого себя. Он будто бы умер в ней и в то же время остался жить мертвым.

Адам взгляделся в дорогу, которая вела к нему на гору. И плакальщиц не видно,

хотя он, договариваясь с ними, обещал каждой и сыра, и вина, и благовоний. Не много, но обещал. Много, в достатке сейчас ни у кого не было. Второй год земля ни весной, ни осенью не знала дождей. Даже летняя роса не накрывала полей. Люди по всей долине извели и зайцев, и вепрей, даже шакалов и тушканчиков. Адам жил на горе и видел, что там, внизу, над городом, больше не роятся резвые голуби. Их тоже или съели, или обменяли на зерно.

Уже триста лет Адам и Ева жили в пещере на горе. В долине у них остался хороший дом из обожженного кирпича, а во дворе в колодце никогда не исчезала, на зависть многим, такая чистая и легкая вода, какую они пили только в Раю. И все-таки они ушли, потому что люди век от века все больше сторонились их, а порой даже открыто ненавидели. Особенно доставалось Еве. Однажды соседка, зайдя за водой, будто бы случайно ударила ее по пальцам крышкой колодца и не сдержалась, захохотала, глядя, как Ева страдает от боли.

Так что они, в конце концов, ушли на гору и жили одни, сами по себе, и особенно не жалели об этом. Тем более что Енох, сын Каина, первое время часто поднимался к ним. Это был еще молодой, двухсотлетний муж, который ходил в пурпуровых одеждах, посыпал заплетенные в семь косичек волосы золотой пудрой, а из благовоний пользовал дорогое алойное дерево, которое привозили из далекого Цейлона. Енох всегда привозил подарки, обнимал Еву, целовал бороду Адама. Енох если раньше он любил расспрашивать их о Рае, о том, какой из себя Бог, какие ангелы, то последнее время Енох стал раздраженно-молчаливым и торопился назад. Прошлым летом в свой последний приезд он и вовсе обидел Еву. Енох привез ей в подарок серебряную цепочку с маленькими колокольчиками, которая надевалась вокруг лодыжки.

— Мне почти тысяча лет, а ты хочешь, чтобы я уподобилась твоим розовощеким девушкам?

— Это очень дорогая безделушка! — гордо сказал Енох. — Правда, мне она досталась почти даром. Если не хочешь ее носить — обменяй на что-нибудь. Хотя бы на осла. А то как-то даже от людей стыдно: жили в Раю, знали самого Бога, а век от века пешком ходите!

...И обрил Адам в знак траура каменным, еще эдемским ножом свою бороду и свои белые, старчески нежные кудри, — и пошел вниз, в город, к Еноху, оплакать вместе смерть Евы.

Тяжелый ветер ударил Адама, но он даже не почувствовал его палящей морозной силы: на нем были те самые кожаные, не знающие сноса одежды, которые Бог, изгоняя их с Евой из Рая, тем не менее, заботливо пошил им своими руками. И было это, слава Богу, хорошо сделано, очень хорошо. Эти одежды от Господа согревали в стужу и давали прохладу в зной.

Когда Адам проходил ущелье, где обычно прятались в непогоду его голуби, то не услышал их привычного, басистого воркованья: как видно, и до них добрались люди из долины. Только какой-то последний летун еще подавал среди скал свой кроткий, заунывный голос, будто прощался с Адамом.

Отсюда, с высоты, виднелись у горизонта другие, далекие горы. Лет семьсот назад, когда тоже навалился голод и люди дошли до того, что ели воловий помет, они потребовали от Адама вести их искать Рай. Он помнил, что где-то за горными кряжами была страна Эдемская с ее благо-

датными, обильными кусками. Они долго искали ее и никак не могли найти, словно она сделалась невидимой. Никто тогда не вернулся живым, кроме него.

...Несмотря на холод, все равно уже чувствовалось, что эти дни у зимы последние и скоро грянут первые грозы, а следом миндаль озарится повсюду благоуханными февральскими цветами...

И спустился Адам под вечер с горных троп, и пришел к Еноху.

Внук встретил его в походных козьих одеждах, верблюжьих сапогах, а на поясе, шитом золотом, у него провисал короткий меч.

— Через час мы выступаем! — сказал Енох. — Прости, из-за этого я не пришел на похороны.

— Нам угрожает враг?

— Нам угрожает голод!

— И куда вы идете?

— Мы хотим найти Рай!

— Однажды я уже водил людей на его поиски.

— Я знаю. Все погибли.

— Потом обвинили во всем меня...

— А как ты хотел? Тебе дорога туда самим Богом заказана! Теперь мы пойдем сами. Это общее решение. И вообще, дед, уходи скорей в горы. Многие здесь настроены против тебя. И очень решительно.

— Нас с Евой всегда недолюбливали...

— На этот раз все гораздо серьезней!

— Как-нибудь перетерплю...

— Люди открыто требуют казнить тебя!

— Какое же преступление совершил этот старик? — гордо сказал Адам.

— Ты не знаешь? — побледнел Енох. — У тебя отшибло память? Ты забыл, что из-за тебя с бабкой Бог проклял весь род людской, обрек нас на тяжкий труд в поте лица, на страдания, а в итоге на смерть, которая подобна смерти скотов?! Конечно, вы-то успели пожить в Раю в свое удовольствие! Вам хоть вспомнить есть что!

— Я же рассказывал... Нас совратил Змей... — подавленно пробормотал Адам.

— А вы были безмозглые твари?! — крикнул Енох. — Бог настрого запретил вам есть с Древа познания! Помнишь, я в детстве без разрешения не смел даже прикоснуться к твоему мечу? А как хотелось! В общем, вот теперь иди и объясни этим голодным, несчастным людям, как и почему вы с бабкой довели их до такой скотской жизни!

— Ты думаешь, я побоюсь это сделать?! Правда, Ева умела говорить складней, но я тоже найду, что им сказать! — твердо проговорил Адам.

— Иди, иди, — сухо заметил Енох. — Как только эти несчастные увидят тебя, они тотчас обнажат мечи!

— Меня ничто не пугает... — вздохнул Адам. — Я уже как бы умер. Я умер вместе с Евой. Ведь она была плоть от плоти моей. А дважды умереть нельзя.

— Не храбрись! — судорожно вскрикнул Енох. — Они изрубят тебя на куски и бросят их голодным собакам!

Адам стал развязывать на себе одежду.

— Тогда на всякий случай я оставляю это тебе. Жаль, если попортят.

— Ну да! Ты же рассказывал: сам Бог трудился над твоими кожашками... — усмехнулся Енох.

— Он так старался... — тихо сказал Адам. — Я всю жизнь проходил в этих одеждах и горя не знал. Спасибо ему!

Енох побледнел:

— Знаешь, дед, последнее время, если честно, многие стали серьезно сомневаться в твоих рассказах про Рай, про Бога. Кое-кому они вообще кажутся бредом! Может быть, и на самом деле ничего не было?..

— И все-таки вы идете искать Рай?..

— Что нам остается делать? У нас нет выхода!.. А райские одежки оставь при себе. Они никому не потребуются. Ты у себя в горах отстал от жизни: сейчас все достойные люди предпочитают меха, тонкую шерсть, шелк...

— Прощай, Енох... — сказал Адам.

— Я дам тебе плащаницу. Ты завернешься в нее и незаметно выйдешь из города.

— Меня узнают в любом случае! — усмехнулся Адам.

И вышел он от Еноха вон.

Обмеркло: на небо пришли первые и какие-то тощие, словно бы голодные звезды. В этих позднейнварских сумерках особенно чувствовалось, что у зимы остались ни мало ни много последние часы.

Адам вдруг отбросил палку и громко сказал в темноту:

— Эй, люди, это я, Адам! Я здесь!

И услышал он собачий перелай: дружный рык целой своры, рвущейся с поводков, чтобы настигнуть близкую жертву. Там и сям, рыская, замелькали факелы. По глухому топоту деревянных подошв Адам уловил, что в его сторону бежит толпа.

Он машинально оглянулся на дом Еноха: окна были темны. Ему вдруг захотелось сделать глоток вина. Адам судорожно улыбнулся и медленно тронулся навстречу людям.

Чьи-то сильные руки подхватили старика, и через минуту он сидел в чужом доме. Огня не было. Мимо ошалело пронеслись собаки, от злобы кусая друг друга.

— Здесь тебя не найдут, — услышал Адам.

— Я не боюсь их. Я теперь ничего не боюсь. И все же я благодарен тебе. Назови себя!

— Сейчас не время, — был ответ.

— Что-то голос мне твой знаком, — строго заметил Адам. — Ты не сын Еноха Ирад?

— Нет.

— Тогда Евал, муж моей дочери Сары?..

— Выпей вина, старик. Сосуд на столе.

— Ты как мысли мои угадал... — вздохнул Адам и приложился. — Вино, между прочим, у тебя славное! Никогда такого не пробовал!

— И в Раю?

— В Раю мы с Евой были чисты как ангелы!

— Пока не добрались до запретного плода?

— Что ты про это знаешь?! — глухо вскрикнул Адам. — Никакого запретного плода не было! И никакого Змея-искусителя! И запомни, никто нас с Евой из Рая не выставлял! Я сам ушел. И увел с собой жену. Надоело на всем готовеньком. Потом же — лишнего шага не ступи... Меня Бог поставил там садовником, а я хотел пасти овец, пахать землю... А больше всего мне хотелось завести голубей!

По улице опять с криками пробежали люди: шума и гама там хватало.

— Мне бы поговорить с ними... — приподнялся Адам. — Нам давно

пора объясниться! Я, пожалуй, пойду. Они опять собрались искать Рай... И собрались на этот раз идти без меня! А мне тоже хочется на него хоть глазком взглянуть...

— Погоди, старик, — сказал незнакомец. — Лучше расскажи еще чего-нибудь.

— Некогда мне тут с тобой... Да и нечего больше! — ворчливо отозвался Адам.

— А про смерть Евы?

— Откуда ты знаешь, что она умерла? Никто даже проститься с ней не пришел...

— Я был.

— Как же это так, если я тебя не видел?

— Еще раз говорю: сегодня днем вместе с тобой я стоял на могиле Евы.

— Да кто ты такой?! — строго вскрикнул Адам — И чего тебе надо?..

Незнакомец присел на корточки раздуть огонь, бледно мерцавший на глиняном полу. Костерок послушно, с готовностью залохматился свежим пламенем. Он вспыхнул, как заиграл.

И увидел Адам лицо Его.

— Это Ты?!

— Здравствуй, Адам.

— Как же я сразу не догадался?..

Адам неуклюже, по-стариковски, опустился на одно колено, потом на другое.

— Прости, Господи! Я такого тут по неведению наговорил...

— Ты не сказал ничего дурного.

Адам неуклюже молчал.

— Господи, а как там сейчас наш Сад?..

— Его уже нет.

— Конечно, столько лет прошло... Я уже счет своим годам потерял.

— Тебе ровно девятьсот тридцать. А Сад я вырубил. Он мне все время о вас с Евой напоминал.

Господь подошел к окну и еще что-то тихо сказал.

— Я не расслышал, — смутился Адам.

— Ничего. Это я сам с собой, — был ответ. — А теперь, старик, мы расстанемся. Ты вернешься в горы. И никто не тронет тебя. Любовь людей к тебе не обещаю, но свои годы доживешь спокойно. И вот еще что: проси, Адам, чего хочешь, пока я здесь.

Адам закрыл глаза.

— Проси, не тяни.

— Господи! — порывисто сказал Адам. — Голод поразил народ. Накорми страждущих...

Господь резко обернулся.

— Тех людей, которые хотят найти Рай и жировать там? Которые кроме золота, вина и девок ничего не желают? Прости, Адам, но я раскаляю, что создал человека!

И сказал Он:

— Истреблю его с лица земли.

...Адам как очнулся. Он был на улице, и был один. В растеплившемся первовесеннем воздухе пахло от домашних очагов свежим хлебом, жареным бараньим мясом и курдючным жиром. Молчали нажравшиеся, оглохшие от сытости собаки. И тихо так, словно город только что родился.

После недавнего дождя под ногами лежали сплошные лужи. В них потаенно отражались звезды.

Адам ступал бережно: ему казалось, он идет по небу.

КРЕСТОНОСЕЦ

У всякого русского села своя примечательность. Одно славно своими частушками, другое аккуратной деревянной церковкой или наивной легендой про Кудеяра-разбойника, про силача Проню...

Сысоевка известна психбольницей, проще говоря, — дурдомом. Хотя среди его контингента порой встречаются люди вполне интеллигентных профессий. Как тот же Евгений Юрьевич, бывший учитель истории. С его появлением многое для сысоевских психов переменялось в лучшую сторону. Начал он с того, что в своем отделении каждому на правую щеку поставил зеленкой крест, будто некую перепись произвел. В связи с этим и прозываться они среди местных стали по-новому. Придут, скажем, в кафе возле больницы, сядут в угол подальше и робко поглядывают на здешнюю хозяйку, а она усмехнется им своими красивыми, ярко покрашенными губами и подаст долгожданную команду: «Эй, «крестоносцы», марш пиво разгружать!» И кинутся они тогда на улицу, по-детски счастливо сияя глазенками. А когда расторопно перекачают бочки, так она налетит им щец, само собой — пустых. Вот тут и начнут «крестоносцы» друг перед другом метать «жрачку», да так, что только ложки свистят. Иной раз удастся им и повыгодней шашашку сыскать: скажем, кому-нибудь из местных огород перекопать или сортир почистить. Такса за такую работу была известная: куриное яйцо или пяток картошек. Но и это Евгений Юрьевич с первых дней перевернул: плата для контингента его стараниями была категорически поднята втрое. Он сам поначалу ходил везде со своими «крестоносцами» на подработку и строго следил, чтобы не нарушались, как он говорил сквозь зубы, тихо и холодно, — элементарные права человека.

Работа работой, но насчет свободного времени Евгений Юрьевич тоже проявил инициативу: организовал местными силами вроде как самодеятельность. Сценой стал мост через реку, делившую Сысоевку на Правую и Левую. Сюда и наладились они приходить время от времени «свадьбу играть» — с гармонью, матаней и частушечным визгом. Для свадебных гуляний Евгений Юрьевич придумал своим «крестоносцам» украшения из пустых пивных банок.

С этой ватагой однажды вечером и сошлась Катя на мосту. Она смело и даже с улыбкой шла навстречу громовени: Катя не первый год работала санитаркой в больнице.

Евгений Юрьевич вышел из толпы и протянул ей букетик июльской луговой герани. Он скупое, болезненно усмехнулся:

— Свадьба у нас нынче забуксовала. Жених есть, а невесты нет. Вы не согласитесь восполнить этот пробел?

— Кто жених?.. — усмехнулась Катя.

— Я...

Катя в своей еще молодой жизни уже дважды была невестой.

И она знала, что невестой быть, в общем-то, очень даже хорошо. Проблемы начинаются потом. А потом уже дважды оказывалось, что она вышла замуж за алкоголика. И оба ее мужика по белой горячке с разни-

цей в три года повесились, избрав для этого один и тот же крюк в сарае, — под хомут, кованный, с четырехгранным жалом.

На «невесту» Катя... согласилась.

Подхватив ее и Евгения Юрьевича на руки, «крестonosцы» бегом понесли их через мост. Надрывно сипела гармонь, лязгали гирлянды пивных банок. Сысоевские собаки молчали, поджав хвосты.

Наискось пугающе висела тяжелая, полная Луна. Она была идиотски круглая, как лицо дауна.

Герань несколько дней синела у Кати на столе. Это были первые цветы, которые ей подарили за всю жизнь.

И она решила в свою очередь сделать что-то хорошее для Евгения Юрьевича. Она пожарила для него ядреные, как на дрожжах подошедшие, домашние котлеты.

Евгений Юрьевич отдал их на «общак».

Вскоре она заметила за собой, что день за днем, чем бы сама ни была занята, не выпускает учителя из поля зрения и все за ним невольно примечает: она притирает в палате пол — Евгений Юрьевич смотрит на паутину за окном; она макароны на кухне ломает над котлом — он Василию Васильевичу, главврачу, огород перекапывает — как раз напротив их дурдома.

Она хорошо знала, что это с ней и чем такое заканчивается.

На днях она увидела, что он в саду читает какую-то книгу, и решила подойти, чувствуя себя при этом, ни мало ни много, круглой идиоткой.

— Интересная? — тихо сказала Катя.

— Кому как...

— А кто автор?

— Ты его не знаешь.

— Вам трудно сказать?

— Ильин. Иван. Известный русский философ.

— И что он пишет?.. — Катя вдруг почувствовала, что может беспричинно расплакаться от волнения.

— Ильин пишет, что «там, где все кажется безутешным, утешение уже стоит у порога»...

— Откуда ему только взяться в такой нашей дурацкой жизни?

— Прислушайся, оно уже стучится в дверь... — сдержанно улыбнулся Евгений Юрьевич.

— А это ваши слова или Ильина? — взволнованно спросила Катя.

— Его, для нас с тобой...

Кате вдруг стало не по себе, что вечером им опять придется расстаться до самого утра. Она пригласила его к себе поужинать «по-человечески».

У нее Евгений Юрьевич и ночевал.

Рано утром она пошла домой к Василию Васильевичу.

Туман от реки навалился плотный, вязкий, так что казалось, будто он цепляется за ноги и мешает идти.

Главврач доил в сарае козу, и они объяснились без свидетелей.

— Смотри, деточка... — вздохнул Василий Васильевич, который сидел перед ведром в байковом больничном халате. — Жить ему у тебя я, конечно, временно разрешить могу. Считаю, что уже разрешил. Но пусть огород у меня перекопает и всю ботву картофельную пожжет.

— Миленкий Василь Василч! — заплакала Катя, судорожно обня-

ла его и опрокинула ведро с молоком. Правда, молока оказалось всего ничего, как от мышки. Коза была старая, а зарезать ее Василий Васильевич жалел.

Уходя, Катя с уважением вспоминала то хорошее, что говорили в диспансере про этого человека: лет тридцать назад он работал на неплохой должности в облздраве, готовился защитить диссертацию по лечению шизофрении молитвой, а потом от него ушла жена и он бросил все, перебрался к ним в Сысоевку, и здесь его все полюбили.

Вернувшись домой, Катя первым делом зашла в сарай, пахнущий старым сеном, и на всякий случай с трудом, но выдернула из бревна тот самый кованый крюк для хомута.

Теперь вечерами Катя убиралась по дому, готовила, а Евгений Юрьевич рядышком читал своего Ильина, вместо очков используя большую увеличительную лупу, словно рассматривал страницы через иллюминатор.

Катя однажды взяла эту книгу в руки и робко прочитала заголовок — «Книга раздумий и тихих созерцаний». Полистала: «Болезнь», «Бедность», «Одаренный», «Обиженные»...

«От этого реально с ума сойти можно!» — растерялась она и куда подальше спрятала книгу.

Евгений Юрьевич дня два мучился без чтения, а потом вдруг лег на пол лицом вниз и затих.

Катя бегом принесла томик Ильина и положила рядом с ним.

Однажды ночью ее разбудила Луна-даун: неестественно большая, она светила тупо и бездумно ярко.

Евгений Юрьевич спал с каким-то странным выражением на лице, словно одна часть его была счастливая и спокойная, а другая — нервная и несчастная.

...Под утро ему был голос.

«Пришел твой час спасти человечество... — сухо сказал он Евгению Юрьевичу. — Еще пара часов — и боль страданий на Земле превысит критическую точку. Что будет тогда, тебе известно. Ты должен сразиться с большим красным драконом о семи головах и десятью рогами!»

— Аллилуйя! Я полетел!.. Я перехвачу его!!! — крикнул Евгений Юрьевич.

Катя переходила мост, когда он, угнувшись, напористо пробежал мимо.

Какая-то дикая сила мощно двигала его ноги. Он как топором простучал ими по бревнам настила.

...Из аминазиновой палаты Евгений Юрьевич вернулся через месяц, тягостно опустошенный, будто из него вынули все кости.

Катя кормит Евгения Юрьевича домашней едой, из которой на первом месте у нее уже известные котлеты размером с батон, покупает ему у Василия Васильевича козье молоко, а по вечерам читает вслух Ильина.

Катя ждет ребенка.

«Крестonosцы» продолжают подрабатывать на сысоевских огородах, катают в буфете бочки с пивом, а недавно опять играли свадьбу на мосту. Правда, на этот раз была та и без невесты, и без жениха. Но громовень, как всегда, стояла на все село.

Как всегда, «это» ничто не предвещало. Оно начиналось внезапно, безо всякого на то внешнего повода. В прошлый раз «это» началось с Юрием Антоновичем, олигархом местного разлива, когда они были зимой в лесу на шашлыках в связи с его сорокапятилетием, а вот сейчас накатило в сауне, куда он с сотоварищами приехал, само собой, не в целях личной гигиены.

Вся приятельская троица: Владимир Алексеевич, директор центрального рынка, управляющий банка Сергей Михайлович и старший следователь прокуратуры Олег Васильевич, — на собственном опыте знала, что «это» периодически бывает с Юрием Антоновичем, и как оно на него найдёт, так уж лучше тут не противиться.

В общем, «это» началось.

Юрий Антонович еще сам ни о чем не догадывался, а мужики со стороны уже опытно углядели.

Углядели же они «начало» по известному признаку: когда «это» присплет, то посреди самой разгонистой гулянки Юрий Антонович вдруг становится похож на человека, который хочет спрыгнуть с несущегося поезда, запоздало спохватившись, что сел не в том направлении.

— Девочек привезли! — доложил Сашок, телохранитель Юрия Антоновича, бульдозерного облика парень, словно искусственно выращенный для такой работы:

— Впускай...

Они стояли как провинциальные абитуриентки на просмотре в столичном театральном институте. А впереди молодой человек с внешностью способного, продвинутого менеджера: на нем хороший костюм, лаковая белоснежная бабочка и туфли изящней некуда от Кристиана Лабутена, — прикид в самый раз для губернаторского благотворительного бала.

— Ты что за баб привел?! — оценив девушек, крикнул Юрий Антонович, будто городошную битую с отмаха кинул под ноги этому менеджеру.

Тот как бы даже подпрыгнул на месте.

— Одна к одной!

— Обновить состав!

Заменили одномоментно.

— Хоть убей, но и эти рожи не по мне! — уныло констатировал Юрий Антонович.

Менеджер выхватил мобильник:

— Срочно на выезд Машину группу!

Только и ее Юрий Антонович без церемоний завернул, несмотря на то, что Олег Васильевич, а за ним Сергей Михайлович и Владимир Алексеевич попытались оказывать девушкам знаки нетерпеливого внимания.

— Всех «лолит» вон! — Юрий Антонович раздраженно повел монолитными, разворотистыми плечами. — Сашка! Выдай трудящимся половое фронта отступные за беспокорство!

Вот тогда и стало ясно всем: «это» приспело. С минуты на минуту события начнут разворачиваться по известному сценарию.

— Какая-то хреновень, а не отдых! — поморщился Юрий Антонович. — Может, разбежимся до лучших времен?..

— Ты что, Антоныч? Хорошо сидим! — наивно попытался овладеть ходом событий Олег Васильевич.

— Все, кранты!

— Народ тебя не поймет, Цезарь! — интеллектуально улыбнулся Сергей Михайлович.

— Сказано!

— Тогда «стременную»! — чуть ли не заискивающе потребовал старший следователь.

— У меня в «членовозе» полный бар всякого дерьма!

Юрий Антонович сорвал с себя мокрую простыню, точно бинт с раны.

И когда все во благо разместились на мощных креслах пафосного «Лексуса», он крикнул Сашке на переднее сиденье через весь салон:

— Дошло, куда едем?

— Ежику понятно!

— Это, Юра, у тебя на лбу уже с самого утра было написано... — сдержанно вздохнул Сергей Михайлович. — Открытым текстом.

— Значит, так душа восхотела!

— Соображай.

— Надеюсь, возражений нет?

— Тебе возразишь.

— Смотрите, голуби: туда силком нельзя.

— Ладно, прокатимся. Нам тоже не помешает. Все мы люди, все мы человеки... — душевно заметил Владимир Алексеевич.

Когда страну повернули в «капитализм», Юрий Антонович, бывший второй секретарь горкома партии, наладил собственную фирму: стал через брата Илью, начальника отдела сбыта на шинном, брать там вагонами колеса самых ходовых размеров, — само собой, не за деньги, а под реализацию.

Инфляция в стране разогналась замечательная, — за неделю-две цена товара разбухала втрое. Богатеть на таких дрожжах было одно удовольствие. И они с Ильей это и делали, — весело, чуть ли не дурашливо. И хотя опасаться им было некого (оба сполна вошли в полную новорусскую силу), но на всякий случай Илья свою личную прибыль пока не забирал и она вовсю наматывала гиперпроценты на счетах фирмы.

...В итоге тот ни разу своими роскошными миллиардами не попользовался: где-то через год Илья погиб, — захотелось ему на даче по грибы размяться, да оскользнулся в лесу и затылком прицельно ударился в острый пенек...

Только Юрий Антонович деньги Ильи разумно оставил в деле, отстегнув золовке лишь видимую часть принадлежавшего им с братом финансового айсберга. Кстати, ей и это показалось после советских зарплат неопишимо много. В общем, как говорится: и овцы целы, и волки сыты. И все же, все же...

Где-то через полмесяца после похорон Юрию Антоновичу вдруг до зубовного скрежета захотелось донской, царской стерляжины в белом вине с соусом из хрена да под резвую водочку.

Была самая середина стерляжьего хода: начало июля. Уже давно поднялась она из волжских провальных омутов, где ярусами неподвижно перестояла зиму, вошла в Дон и, пробив его давящее, размашистое течение, на подводных камнях и буграх оставила свою обильную, цепкую икру. А теперь пронырливо остромордая, по-хохляцки усатая стерляжина стаями откатывалась назад и, памятуя о недалеком уже предзимье, нажиралась личинками, комарами и добротнo толстела.

Вот тогда они и вышли на нее.

Они с Сашкой вышли, как и полагается для охоты на стерляжину, в

ночь, да еще подгадав дождь, когда эта рыбина особенно упоительна в своем жоре и игриво бьет свечой.

Они приготовились к встрече как следует: «донки» с гибкими титановыми наконечниками, потом же свежая, только выпустившая крылышки, метелика и надежные керосиновые фонари «летучая мышь».

Еще издалека Юрий Антонович угадал ее подкат: прет с донского верху вереница стерляжины и, балуя, раз за разом хлещет воду резвыми хвостами, словно кто лопатой без устали колотит по реке.

За полночь взяли три матерые шипастые рыбыны килограмма по два каждая.

Уху составили добротную, друг перед другом щеголяя особенными способами ее изготовления: рыбу предварительно ошпарили, по донскому приему накрошили в котелок смачные помидорины (хотя и было первоначальное намерение готовить с молоком), костерный уголек добавили, потом же осветлили крепкий шафрановый бульон, оттянув его растертой паюсной икрой. Аккуратно, как священнодействуя, добавили водки. Ее же они и вкушали во благе под стерляжью горячую, скользкую плоть, заеда я грибными слоеными кулебяками.

Блеклое предутренье только устанавливалось, когда Юрий Антонович тяжело вылез из палатки после короткого, отвратительного сна. Прильнувший к реке туман словно вяло сочился из нее.

Юрий Антонович, слегка косолапя по мокрому, вязкому песку, жадно двинулся к воде. Вдруг сине-серебристый залповый огонь прожег расцвет судорожным миллионвольтным зигзагом: сильная, хлесткая молния ударила в берег перед ним, распавшись на три горящие неземным, электронным огнем жилы.

Взрыв грома подсек Юрия Антоновича.

Он повалился. Молния угасла в доли секунды, но все еще долго продолжала истерически биться в его обожженных глазах.

Рядом, пропахав песок, тревожно припал Сашка:

— Вы как?..

Он ответил не сразу.

— Еще не знаю...

— Что это было?

— Наверное, молния... — с трудом выговорил Юрий Антонович.

— На небе ни облачка!

Юрий Антонович судорожно проскрежетал:

— Значит, знак свыше мне...

Он по-пластунски подтянулся к реке и окунул лицо в воду. Казалось, оно загорело от вспышки молнии и даже озонно пахнет ею.

Ни есть, ни пить он в это утро не стал.

А на обратном пути Юрий Антонович впервые ощутил в себе «это».

...За Воронежем машина пошла разгонисто, почти на самолетной скорости, и в своем напоре была чем-то похожа на крылатую ракету, неотраимо несущуюся к цели на низкой высоте. Так что сегодня они сделали дорогу до Законска быстрее обычного, чуть ли не в полчаса: все давно освоили здесь каждый изворот и каждое взгорье.

Первая остановка была возле Богородицкого мужского монастыря. Четко, вдохновенно работал удар за ударом раскатистый колокол на высокой, белокаменной звоннице с печальными, будто падающими ангелами.

Все вышли из машины молча, и по их посерьезневшим лицам было

видно, что они на ходу как бы перестраиваются, словно готовясь шагнуть ни мало ни много в другое измерение.

На монастырский двор входили с оглядкой.

— Кресты у всех есть? С голой грудью туда не след... — деловито сказал всем Юрий Антонович, старательно поправляя свой: Сашка только что принес ему в коробочке из бардачка, — византийски-кружевной, отменного золота.

Вопрос был не праздный: конечно же, ни на ком крестов не оказалось. И тогда он повел их в монастырскую лавку, старушечьи пахнущую восковыми свечами.

В храм вошли, будто на лужайку ступили — под ногами на полу россыпью свежескошенная, еще живая трава, вдоль стен кустики тонких березовых веток с молодыми, мелкими, просто-таки игрушечными листиками, потом же много цветов: изысканных, стройных ирисов, влажно-пряных, медово пахучих пионов и, конечно, вороха крылатых ромашек — Троица, пацаны!

Юрий Антонович помнил, как мама под этот день натирала куском красного кирпича пол в избе, а бабушка окатывала его кипятком. Утром же, как поднимутся они идти к обедне, под ногами янтарное сияние досок, а по дому витает терпкий смоляной дух, точно диакон кадиллом у них только что отмахал.

Они отстояли долгую очередь к раке с мощами святого Тихона Задонского. И когда подошла очередь приложиться Юрию Антоновичу, он коротко, отчетливо перекрестился и с хорошим, откровенным чувством сказал про себя слова, которым его научил недавно один здешний нищий: «Боже, милостив буди мне грешному...»

— Теперь все, едем нырять? — нетерпеливо сказал Олег Васильевич.

— Не забывайте, надо еще благословение испросить на это, — настоящим знатоком сказал Юрий Антонович.

Он высмотрел в толпе черноризца, не занятого службой, и аккуратно подступил:

— Простите, какое ваше святое имя?

— Диакон Павел.

— Прошу вас, диакон Павел, благословите нас на омовение грехов в святой купели.

— Извините, не могу...

— Но вы же при одеянии!

— Я не имею такой благодати.

— Нам все равно!

— Сила в том никакая не явится.

— Сколько здесь своих тонкостей! — сказал Юрий Антонович и привычным жестом подал диакону столларовую бумажку. — На храм, батюшка...

Через минуту-другую тот подвел к ним иеромонаха: маленького, с ласковым, застенчивым лицом. Приподнявшись на цыпочки, священник осенил их крестным знаменем, словно вложил в каждого частицу чего-то очень существенного.

Юрий Антонович напряженно задержал дыхание, чтобы на его физиономию, еще не совсем очеловечившуюся после бани с девочками, не вылезли слезы: внезапные, словно не от мира сего. Обошлось.

Дорогу от обители до святого источника ему всегда хотелось пройти пешком: забыть про свой бизнес, забыть о тайных швейцарских счетах,

об обманутых партнерах, серых зарплатах — и вдохновенно представить себя ни мало ни много скитальцем по святым местам, христороубцем, которого чужие люди будут принимать и покоить, а на старости — так и вовсе пропасть без вести где-нибудь в чащобе.

«Это русская праведная идея в чистом виде или мой похмельный синдром?..» — осторожно усмехнулся Юрий Антонович.

Само собой, они поехали на своем звероподобном «Лексусе», похожем разве что на некоего монстра.

По пути строгим дозором душ человеческих стояли сельские промоленные церковки; задонские поля огустели диким июньским травостоем, а впереди монастырский лес развернулся матерым урочищем, словно встал он здесь стражей земли русской.

Глухой, темный сруб, поставленный в сырой лесной ложбине между кленов и жилистых вязов, укрывал Святой Источник.

К крыльцу прилепилась сосредоточенная мужская очередь: за дверями, возле которых утомленно, бледно горели свечи, доносились колкие женские взвизги.

Мужчины заходили по очереди, молча, как задержав дыхание. Крестились напряженно, некоторые судорожно.

Вода купели строго ждала. Оголясь и поправив на груди византийский крест, Юрий Антонович опытно, без проволочек ринулся в нее, вытягивая шею.

Ключевой, жесткий холод сурово ударил его.

— Прости, Господи! — не своим голосом крикнул он и трижды присел в ледяной пламень с головой, каждый раз словно бы расставаясь с жизнью: в эти мгновения сердце судорожно, подшибленно останавливалось.

Из купели Юрий Антонович вылетел буром, точно соскочил с раскаленной сковороды. Жизнь только что свернулась и вновь распахнулась в нем. Первое мгновение он имени своего не помнил.

Олег Васильевич вошел следом. Зажмурясь, протаранил воду с веселым испугом, но ни разу не окунулся. Сергей Михайлович, как и все, тоже разделся донага, однако воду лишь пальчиками попробовал да аккуратно побрызгал себе на лицо. В свою очередь Владимир Алексеевич с виноватой улыбкой простоял в стороне, у стены: тем не менее, от одного вида происходившего у него было выражение человека, у которого зуб на зуб не попадает.

На крыльце Юрий Антонович громко, с удовольствием рыкнул:

— Продрало!!!

Сашка тотчас подступил к ним с подносом, на котором хорошей компанией стояли четыре стакана со свойским душевным самогоном на дубовой коре, очищенным в три приема: двойной перегонкой, активированным углем и сухим молоком.

Юрий Антонович перекрестился основательно, словно наглухо запечатал в себе до поры до времени нечто важное и хорошее.

Чем эта поездка закончится, всем тоже было известно наперед.

Машина поначалу шла бережно; мужики терпеливо скучали.

На полпути их накрыла невесть откуда объявившаяся грозовая, масштабная туча. Ее провисшее, многослойное дно низко проволокло над «Лексусом», волгло замутив дорогу. Туча явно была огневая, готовая к бою, но силы своей почему-то так и не показала. Тем не менее, она неприятно напомнила Юрию Антоновичу о той разлапистой молнии, которая жестко стеганула ему под ноги утром у реки из чистого, обнаженного неба.

Уже перед Воронежем Сашка внимательно, даже подчеркнуто внимательно, спросил:

— По домам, Юрий Антонович?

Никто не сомневался, какой последует ответ. Это не составляло труда. И он не обманул их ожиданий.

— Пора усвоить: Богу Богово, кесарю кесарево... — как ударил Юрий Антонович и закончил уже под дружеские аплодисменты. — После такой купели одна дорога — в сауну! И все такое...

Сашка взялся за мобильник: ему сказано и повторять не надо, — сейчас он даст знать в баню, что хозяин возвращается, а потом звякнет тому менеджеру с сияющей белой бабочкой и заставит его лихо покрутиться, но дело исполнить на ять. Хоть умри. Тому хорошо известно: если что не так, в асфальт не закатают, но смеяться перестанешь. Это уж точно. На всю оставшуюся жизнь.

ВРЕМЯ МОНУМЕНТОВ

*Родителям моим, Татьяне Яковлевне
и Прокофию Ильичу, посвящается*

Летняя утренняя Волга под Сталинградом с ярким, парадно-белым корабликом на свежей и словно молодой после ночи воде. Он аккуратный, маневренный и называется «речным трамваем». Мы на второй, застекленной палубе, где от буфета пахнет шампанским, пирожными и ветчиной. Я в матроске и кожаных сандалиях с дырочками. Отец в белом летнем кителе с кортиком в черных лакированных ножнах. Он только что выпил стакан шампанского и слегка вспотел. Мама вглядывается вдаль через похожее на линзу толстое, горячее стекло иллюминатора, словно пропитавшееся солнцем.

С верхней палубы в буфет, изогнувшись, заглянул экскурсовод.

— Товарищ военлет, подходим! Уже хорошо видеть! — восторженно крикнул он.

Над яркой солнечной Волгой на высоком постаменте с гранитным доколом стоял двадцатидвухметровый генералиссимус в шинели и с непокрытой головой. Он был так велик, что облака вверху воспринимались всего лишь как дым от его знаменитой трубки. Чеканная тысячетонная медь величаво золотилась на солнце. Сталин со своей святогоровой высоты глядел вдаль с недоступной задумчивостью. Памятник казался живым, но это была непостижимая грандиозная жизнь, в которой человеческий век — лишь короткий миг. Памятник жил вечностью.

— Обратите внимание! — торжественно сказал экскурсовод. — Размеры скульптуры поражают своей колоссальностью! На погоне сталинской шинели может свободно разместиться автомобиль «Москвич»! Пуговицы величиной с офицерскую фуражку!

Он говорил так, словно доверительно приобщал нас к какой-то одному ему сполна открытой тайне. Это был не экскурсовод, а жрец. Человек, которого связывало с фигурой на постаменте что-то сокровенное.

— Как задумчив облик вождя! — счастливым голосом прокричал экскурсовод. — Сколько глубоких мыслей на лице!

— Дяденька, а о чем думает товарищ Сталин? — вдруг пискнул я.

— Он думает о твоём счастливом детстве! — вдохновенно улыбнулся экскурсовод.

Он обнял меня. Волжский ветер трепал ленты моей матроски. Мы оба смотрели на памятник, и все пассажиры неотрывно глядели на этот медный утес, постамент которого был в крапинках людских фигур, точно засижен мухами. Глядели так, как будто неожиданно увидели близкого, дорогого человека.

— Ур-р-ра! — вдруг крикнул кто-то с такой силой, чтобы наверняка докричаться на высоту памятника.

— Ура!!! — крикнули все остальные.

Потом отец всю дорогу до Сталинграда сидел в буфете. Я заснул у него на коленях. Я спал, когда меня несли на берег, спал, когда положили на сиденье «Победы». И дома я не проснулся до самого утра.

Но когда, наконец, весь мой сон истратился, я все равно не смог открыть глаза. Они были какие-то густые и липкие. Я протер их, но это не помогло. Глаза не хотели открываться и глядеть, даже когда я попытался приподнять веки пальцами.

Я закричал с закрытыми глазами, словно замурованный сам в себя.

— Мамочка! — закричал я.

Когда она прибежала, я плакал. Глаза, стиснутые, как створки ракушки, набухли от слез и, казалось, могли лопнуть. Это была корь.

— Успокойся, деточка! — всхлипнула мама. — В нашей стране никого не оставят в беде! Если что серьезное, сразу же доложат самому товарищу Сталину!

Я вздохнул.

— А что он скажет?..

— Он скажет: «Немедленно вызвать самых лучших в мире советских врачей и дать им для этого мальчика самые лучшие в мире советские лекарства!» Если понадобится, все советские люди придут на помощь! Полетят к тебе на помощь самолеты, поплывут корабли, помчатся машины!..

Только на десятое утро я проснулся здоровым.

За это время мама сделала из пластилина макет Волго-Донского канала, а сейчас собиралась вылепить памятник Сталину. Я видел, что она волнуется и никак не решается начать.

Тем не менее, памятник понравился папе и очень понравился нашей квартирной хозяйке Клавдии Ивановне, но особенно он понравился папиным товарищам. Летчики дружно заявили, что именно таким видят с высоты памятник Сталину.

...Однажды, делая уборку, мама машинально поставила макет на окно, и пластилиновый Сталин оплыл на солнце. Генералиссимус бессильно сгорбился, накренился и вроде как даже присел на корточки.

Мама заплакала. Я помню, как папа долго, старательно сминал пластилин в один ком, словно уничтожал следы какого-то преступления.

Квартирной хозяйке мы сказали, что макет у нас взяли на выставку...

Я еще не умел читать и не знал ни одной буквы, но уже научился узнавать, где бы оно мне ни попадалось, слово «Сталин». Этому меня научила мама. Я его зрительно вы зубрил. Можно сказать, что я знал это слово в лицо. Я узнавал слово «Сталин», как узнают знакомую картинку. И мне нравилось это делать. Я разыскивал его в газетах, журналах, книгах настойчиво и удачно.

Первое, что я прочитал, научившись складывать буквы в слова, а слова в предложения, были бюллетени о состоянии здоровья Сталина. Мама сама читать их не могла: она сразу начинала плакать. И она проси-

ла читать меня. Мама сердилась, когда мой голос казался ей равнодушным.

Сталин умер пятого марта в двадцать один час пятьдесят минут.

Когда об этом сообщили, мама взяла ручку и судорожно написала в чистой тетради на первом листе очень много раз: «Умер Сталин!!!» Поплакав, мама написала то же самое на обложке «Молодой гвардии» Фадеева, потом на листке календаря. Он хранился у нас очень долго и куда-то подевался лишь после смерти мамы. «Умер Сталин!» — нацарапала она на фанерном дне буфетного ящика, где у нее был записан секретный телефон папиного аэродрома и телефон портнихи.

В конце аэродром, мама сломала перо, и теперь ей уже ничего не оставалось, как только плакать. На ее плач, как на зов, пришла квартирная хозяйка. И они теперь вместе с Клавдией Ивановной плакали, и делали это так добросовестно, словно работали.

В тот день меня долго не выпускали на улицу. Мама не представляла, как можно заниматься обычными делами, а тем более играть, когда товарищ Сталин лежит в гробу.

Крепко обняв меня, она часами сидела перед ламповым приемником «ВЭФ» с кошачье-зеленым индикатором настройки. По радио передавали траурную музыку, и мама сидела в одной позе. Мне показалось, что она не дышит. Я испугался и крикнул ей в лицо:

— Ма-моч-ка-а-а!

Она как-то странно, одним глазом, исподлобья посмотрела на меня, и вяло вздохнула, словно зевнула спростонья. Я вцепился в нее и стал отчаянно трясти. Мне вдруг пришло в голову, что мама хочет умереть вместе со Сталиным. Кое-какие основания думать так у меня были. Надо сказать, Иосиф Виссарионович ей часто снился. Никому из взрослых, кого я знал, он столько раз не являлся во снах. Эти мамины сталинские сны таинственно связывали ее и его. Особенно мне запомнился сон, который мама видела давным-давно, в ночь перед войной. А приснилось ей тогда, будто по одну сторону глубокого рва стоит Сталин, а по другую — Гитлер. И им обоим надо через этот ров прыгать на спор, кто ловчей. Сталин одним махом перескочил эту преграду, а Гитлер провалился. Так ведь потом и вышло, что войну фашисты проиграли.

Как очнувшись, мама села за швейную машинку и сделала для меня траурную повязку из черного и красного бархата. Пока мама шила ее, она снова расплакалась. Перестук машинки напоминал треск телеграфного аппарата. Казалось, мама не столько шьет, сколько передает всему миру траурную весть о смерти товарища Сталина. Она шила долго, будто хотела передать эту весть всем-всем.

Потом она одела меня и повязала на рукаве пальто черно-красную повязку.

Я вышел на улицу, строго оглядываясь по сторонам. Играть не хотелось. Я ходил по-над домами, будто траурно патрулируя нашу улицу. Прохожие внимательно оглядывались на меня, а какой-то солдат покопился на мою черно-красную повязку и отдал честь. Я даже хотел лечь спать с ней, но мне не разрешили.

В эту ночь маме приснилось солнечное затмение. Солнце траурно меркло, подергиваясь черным бельмом. Меркло, казалось, навсегда.